

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.11
ББК 65.01

**СОБСТВЕННОСТЬ КАК ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ В XXI ВЕКЕ**

С. Ю. Солодовников
solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье системно рассмотрены традиционные и современные подходы к определению собственности как экономического феномена. Показано общее и особенное в отношениях собственности в XXI века. В частности, автор отмечает возрастание значения собственности на функции и «рассеянных» форм собственности в сетевой экономике, а также широкий круг объектов отношений собственности, в который входит вся совокупность хозяйственных благ – материальные средства производства, природная среда, потребительные стоимости, информационные и социальные условия производства, производственные и социальные способности индивидов и сами производственные и социально-экономические функции, информация и знания. Дано определение собственности как политико-экономической категории.

Ключевые слова. *Собственность, информатизация, экономика, политическая экономия, разделение труда, формы собственности.*

Введение. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века произошла величайшая геополитическая катастрофа XX века – распад Советского Союза, сопровождаемый прекращением деятельности СЭВ и Организации Варшавского договора. Мир одномоментно стал однополярным, применение международного права уподобилось шагреновой коже, все больше и больше вытесняемое силовыми действиями США и стран НАТО. Мрачной и не до конца исследованной страницей истории остаются не прекращающиеся до настоящего времени многочисленные вооруженные конфликты на национальной почве между бывшими братскими народами СССР, а также значительное ухудшение инновационной составляющей экономики в результате технологической политики М. С. Горбачева и правительств большинства бывших советских республик в начале 90-х годов. Достаточно вспомнить, что в этот период странами НАТО разными способами было получено такое количество советских технологических разработок, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности СССР и Российской Федерации, что для их систематизации и адаптации под западные технологические стандарты был спешно создан специальный отдел в НАТО.

Одновременно в постсоветских странах начинается социально-экономический кризис, сопровождающийся значительным снижением ВВП на душу населения, резким ухудшением социальных и материальных условий жизни населения, началом криминального передела средств производства. При этом происходит отказ от марксистской идеологии, а заодно с этой водой из купели выбрасывают и младенца – политическую экономия. Последняя выступала и выступает методологической основой всех других частных экономических наук, поскольку «политическая экономия – наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно

устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи» [1, с. 17]. Хозяйственная, социальная, идеологическая и политико-экономическая ситуация в Беларуси была такая, что на фоне каждодневной борьбы большинства населения за физическое выживание проблема аксиоматического кризиса экономической науки естественным образом отошла на третий план и волновала лишь небольшое количество патриотически настроенных интеллектуалов. В результате в экономической науке начинает практически монополично господствовать принесенная нам извне идеология рыночного либерализма. Вместе с тем, как справедливо отмечает по этому поводу П. С. Лемещенко: «Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политическая экономия» [2, с. 277].

Аксиоматический и методологический кризис современной белорусской науки может быть преодолен только путем возвращения ученых экономистов к исследованию законов, управляющих развитием экономической системы общества в XXI веке, и базовых экономических категорий. Одной из таких политико-экономических категорий традиционно выступает собственность.

Результаты и их обсуждение. Понятие собственность вошло в научный оборот задолго до оформления экономики как отдельной науки. Первоначально собственность изучалось философами. В период новой истории философы сумели существенно развить представление об этом понятии. Так, Г. В. Ф. Гегель указывал по поводу данного понятия: «Владение становится *собственностью, законным*, если все другие признают, что вещь, которую я сделал своей, моя, ровно, как и я признаю владение других их владением. Мое владение *признается*, потому что оно – акт свободной воли, которая внутри самой себя есть нечто абсолютное и в которой всеобщим является то, что владение других я тоже рассматриваю как нечто абсолютное» [3, с. 40]. Далее философ добавляет: «Я могу *отчуждать* от себя <...> свою собственность, и она благодаря моей свободной воле может перейти к другому» [2, с. 41]. Т. Гобс рассматривал собственность как «владение, точное разграничение между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, – подчеркивал этот ученый, – что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это» [4, с. 336]. Б. Спиноза считал, что понятие «собственность» существует только в сознании человека, поскольку «в природе нет ничего, про что можно было бы сказать, что оно есть собственность такого человека, а не другого» [5, с. 391], и, следовательно, собственность – это «господство над какой-либо вещью по общему признанию» [5, с. 392]. Л. Фейербах, не давая дефиниций собственности, призывал к тому, чтобы «собственность была у всех» [6, с. 450]. В этот период собственность трактовалась философами как субъективное волеизъявление человека, опирающееся на социальную фиксацию законодательными актами, при этом собственность трактовалась как одно из «естественных прав», что приводило к идеалистическому упрощению ее сущности.

А. Смит и Д. Рикардо, уделяли категории собственность в своих работах мало внимания. Д. Рикардо непосредственно коснулся проблемы собственности по поводу начисления налогов при переходе собственности к наследнику [7]. А. Смит просто зафиксировал возникновение частной собственности как факт при построении им трудовой теории стоимости [8]. Это произошло потому, что А. Смит и Д. Рикардо не ставили гносеологической задачи глубоко исследовать отношения собственности в рамках политэкономии, поскольку рассматривали собственность как составную часть «естественного права».

Первенство в рассмотрении категории «собственность» как понятия, требующего глубокого и всестороннего исследования политической экономии, по праву принадлежит П. Ж. Прудону. Этот ученый понимал собственность как «творение разума невежественного» [9, с. 87], т. е. как результат субъективного волеизъявления собственника. Названный подход П. Ж. Прудона подвергся справедливой критике со стороны других современных ему исследователей собственности. Однако инициированный им научный спор создал условия для содержательного исследования категории «собственность» и отношений собственности в рамках политэкономии.

Значительный вклад в исследование собственности как экономической категории был сделан К. Марксом. Первоначально он определял собственность как «отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы. Целью самого производства является воспроизводство производителя в этих объективных условиях его существования и вместе с ними» [10, с. 485]. Позднее К. Маркс конкретизирует собственность как «присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее» [11, с. 24] исходя из выделения определенных общественно-экономических формаций, которые характеризовались различными стадиями развития производительных сил и производственных отношений. Таким образом, К. Марксом был сделан методологический прорыв в изучении категории собственности, показана историчность ее форм и объективный характер ее непрерывной эволюции.

В советской политической экономии собственность трактовалась двояко: часть исследователей считали, что *собственность есть отдельное, относительно самостоятельное, особое производственное отношение*; другие придерживались точки зрения, что *собственность представляет собой всю систему производственных отношений*. Представителями первой точки зрения являются, например, В. Н. Афанасьев, который в монографии «Диалектика собственности: логика экономической формы» рассматривает собственность как определенную экономическую форму человеческой деятельности [12], Ю. М. Осипов, который пишет, что «собственность – результат присвоения. Присвоить можно любой фактор производства, любой процесс производства, любой результат. Присвоить может и любой социальный агент – индивид, коллектив, сообщество, государство, общество в целом» [13, с. 102]. Й. Й. Чичинскас в книге «Собственность в системе экономических отношений социализма» также характеризует «собственность в экономическом смысле как общественную форму пользования средствами производства» [14, с. 6].

Представителем второй из названных выше точек зрения является, например, С. В. Мокичев, который пишет, что «собственность – это отношения между людьми по поводу средств производства, выражающие исторически определенный характер и способ связи между производителями и этими средствами, субъективными и объективными факторами производства» [15, с. 112]. Придерживающийся этой точки зрения М. В. Колганов пишет, что «полной собственностью, или просто собственностью, мы будем называть все формы присвоения, основанные, так или иначе, на производстве и обращении товаров» [16, с. 6]. А. П. Дубанов в книге «Собственность и экономические цели» включает в отношения собственности сознательное и деятельное отношение человеческого общества и его составных частей к своей жизни и объективным условиям ее воспроизводства как к материальной основе своего собственного существования [17].

Общим в приведенных точках зрения является то, что их представители сходятся во взглядах на собственность как экономическую категорию, выражающую систему объективных отношений между людьми по поводу присвоения средств и результатов производства в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ [18, с. 248].

В 1990-е гг. марксистские трактовки собственности были дополнены экономической теорией прав собственности и теорией рекомбинированной собственности. Хронологически этот процесс на постсоветском пространстве совпал с наблюдающимся в зарубежной экономической науке снижением интереса к исследованию категории собственности. Российские экономисты отмечают по этому поводу: «Поскольку в 1990-е гг. политическая экономия как ветвь экономической теории оказалась оттесненной на вторую-третью позиции, постольку интерес к отношениям собственности заметно упал. Однако в рамках по преимуществу институционального подхода статус гражданства активно стал завоевывать рыночный феномен "права собственности", при этом наиболее известным было теоретическое положение, высказанное Де'Оноре об 11-ти правомочиях» [19, с. 57].

Основой экономической теории прав собственности выступает методологическое положение, состоящее в относительно новой характеристике объекта собственности, в качестве которого выступает не физический объект, не средство производства сами по себе, а пучок или доля прав по использованию ресурса. Данная трактовка близка к подходам, предлагаемым юридической наукой. В ряде случаев сторонники такого подхода разделяют экономический и институциональный подходы к трактовке категории собственности, сводя понятие института исключительно к правовым отношениям. Так Б. Д. Бабаев, Е. А. Андрескус и А. А. Сабуровапишут, что «полноценное, полнокровное понятие собственности возможно только в качестве признания ее как единства экономической и правовой сторон. Это вовсе не означает, что нельзя отдельно трактовать собственность как экономическую категорию и как институт, это возможно и даже необходимо на хорошем уровне абстрактно-логических рассуждений. Но при этом <...> и первый подход, и второй подход страдают односторонностью, полное и эффективное представление о предмете нашего разговора можно получить лишь в том случае, если <...> собственность трактовать как экономико-правовое явление» [19, с. 57]. Поскольку объем данной работы не позволяет вести дискуссию по поводу того, насколько правомерно сводить институциональный подход только к правовой системе, ограничимся замечанием, что сегодня большинство экономистов выделяют в рамках экономической теории институциональное направление как часть экономической теории. Нами это достаточно полно описано в монографии «Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки)» [20]. Не вполне четкое разнесение названными выше авторами понятий экономика и институты не снижает значимости проделанной ими работы в части определения особенностей отношений в условиях развития сетевых взаимодействий и IT-технологий в нашем столетии, ниже остановимся на этом более подробно.

В рамках юридической науки категория «собственность» всегда включала в себя права кого-либо на какие-либо имущественные отношения, выраженные такими правомочиями, как владение, пользование и распоряжение. Эти правомочия присутствовали в законах многих стран в различные исторические периоды и сохранены сегодня в законодательных актах «континентального права». В законодательных же актах «англо-американского права» выделяется одиннадцать самостоятельных правомочий собственника: владение; непосредственное использование; управление; получение дохода; право на капитальную стоимость объекта; право на защиту собственности; бессрочность; право передачи по наследству; возмещение ущерба; использование с ущербом для других субъектов права; «остаточные права» [21, с. 31–32].

Позиция юристов по проблемам собственности характеризуется тем, что разделение права собственности на отдельные правомочия позволяет комбинировать их любыми способами (при этом получается большое количество вариантов). Однако за названными количественными правомочиями затруднительно увидеть качественные параметры собственности, хотя как один из методологических инструментов при изучении

отношений собственности в рамках экономической теории данный подход полезен прежде всего тем, что в праве собственности фиксируются социально-экономические и иные отношения между субъектами по поводу присвоения хозяйственных благ и иных потребительных стоимостей.

Возвращаясь к экономической теории прав собственности, можно отметить, что в ее рамках выделены одиннадцать «элементарных» прав собственности, которыми, по мнению ее представителей, исчерпывается полный «пучок прав по использованию ресурса». К последним отнесены право присвоения, т. е. исключительно физического контроля над благами; право использования, т. е. применения полезных свойств благ для себя; право управления, т. е. право решать, кто и как будет обеспечивать использование благ; право на доход, т. е. право получать результат от использования благ; право суверена, т. е. право на отчуждение, потребление, изменение или даже уничтожение благ; право на безопасность, т. е. на защиту от экспроприации благ и от нанесения им вреда со стороны внешней среды; право на передачу благ в наследство; право на бессрочность обладания благом; запрет на такое использование благ, которое наносит вред окружающей среде; право на ответственность в виде взыскания, т. е. на возможность взыскания блага в уплату долга; право на остаточный характер, т. е. на существование таких институтов и процедур, которые обеспечивают восстановление нарушенных прав. Обращает на себя внимание тот факт, что при такой трактовке под правами собственности понимаются общественно санкционированные поведенческие отношения между людьми, возникающие в связи с существованием материальных и нематериальных благ и касающиеся их использования. При сравнении названного подхода с традиционным определением собственности как общественной формы присвоения в отечественной экономической науке в них нет принципиальных расхождений. Теория рекомбинированной собственности делает упор на расширение менеджерского варианта управления [22, с. 17]. Названная теория собственности подчеркивает, что в современной экономической системе нет реальных «чистых» форм собственности и последняя представляет смешанную собственность в ее «общественных и чистых» формах.

Упомянутые выше Б. Д. Бабаев, Е. А. Андрекус и А. А. Сабурова предлагают права собственности дополнить обременениями для того, чтобы их «отбалансировать» и тем самым «добиться нужного "правового равновесия"» [19, с. 57]. «Так, если капиталист владеет предприятием, то он реализует определенные права как собственник и приобретает многообразные привилегии, например, может отдыхать на Багамских островах на дорогой вилле или иметь богатый дом в престижном месте. <...> В обмен на привилегированное положение предприниматель по велению общества должен принять на себя круг обязательств, обременений. Так, если у него завод, то завод должен работать и производить продукцию для общества, если на заводе заняты люди, то они должны работать в человеческих условиях и своевременно получать достойную заработную плату, и т. д.» [19, с. 57]. Названные авторы также подчеркивают, что «права собственности необходимо рассматривать во взаимосвязи с обременениями, при этом необходимо этот вопрос ставить не только в общем, принципиальном плане, но и увязывать отдельными формами собственности, прежде всего с собственностью на средства производства» [19, с. 57].

Говоря об отношениях собственности, следует отметить, что «абстрактный признак (критерий) всяких отношений собственности состоит в социальной межсубъектной персонификации потребительных стоимостей в целом, всех или отдельных функций, связанных с их социальным движением, фиксацией и использованием» [23, с. 83]. Соответственно отношения собственности в плане их социальной персонификации устанавливаются и фиксируются круг хозяйственных субъектов, которые имеют (или не имеют) возможность обладать теми или иными потребительными стоимостями, т. е. осуществлять в отношении их определенные функции. Суть отношений собственности составляют отношения присвоения – отчуждения. Присвоение представляет собой совокупность отно-

шений между субъектами по поводу отторжения благ от одних лиц к другим различными способами на эквивалентных или неэквивалентных началах и обращения этих благ или полезного эффекта. Отчуждение – это отношения, противоположные присвоению. «Отношения собственности имеют общественную природу, – отмечают Б. Д. Бабаев, Е. А. Антрекус и А. А. Сабурова, – они должны быть призваны обществом, закреплены и защищены. Это и есть <...> институционализация собственности как категории» [19, с. 57]. Заметим, что названная институционализация не требует обязательного законодательного закрепления, в ряде случаев бывает достаточно обычаев или традиций. Вместе с тем по мере развития сетевой экономики, сопровождаемое возрастанием в ней значения неимущественных прав, значение законодательной защиты значительно возрастает. «Расщепление прав собственности усложняется, если наряду с материальными объектами принимать во внимание неосязаемые активы (франчайзинг и др.)» [19, с. 58], соответственно гносеологический интерес к исследованию «прав собственности дало появление и быстрое развитие неосязаемых активов (патенты, торговые марки, репутация и др.). Если материальные объекты могут непосредственно присваиваться собственником, то в отношении неовещественного можно говорить лишь только о правах» [19, с. 58]. При этом возникает не только возможность рассмотреть за юридической формой собственности (способной при определенных обстоятельствах затуманивать реальные отношения присвоения – отчуждения) подлинные социально-экономические реалии, но и учитывать собственность на функции и нематериальные активы.

В качестве видовых форм (видов) присвоения выступают распоряжение, пользование и владение. «Распоряжение объектами собственности, – как отмечает Н. В. Герасимов, – представляет собой принятие собственником социально обязательных решений по поводу характера, меры и порядка использования, а также отчуждения принадлежащих ему благ» [23, с. 32]. Эти отношения выступают важнейшей прерогативой собственников и опосредуют всякие отношения собственности. «Пользование – это общественно регламентированные отношения по поводу извлечения и потребления полезного эффекта, заключенного в объектах собственности» [23, с. 84]. Именно в пользовании и состоит конечный, функциональный смысл отношений собственности. Данный автор указывает, что «владение есть совокупность отношений между субъектами по поводу фактического обладания объектами собственности (в натуре) без распоряжения ими и без извлечения из них полезного эффекта» [23, с. 24].

Социально-экономические отношения между людьми складываются не только и не столько в отношении результатов, сколько по поводу условий и форм производства. Иначе говоря, как отмечает Г. А. Джавадов: «... собственность есть общественная экономическая форма производства (присвоения). Здесь содержание собственности (присвоения) и общественное производство (присвоение) есть одно и то же» [24, с. 32]. Далее он пишет, что «нельзя отрывать производство от формы собственности, так как оно существует всегда в определенной форме <...>, но нельзя также отрывать собственность от производства, так как она всегда имеет определенное содержание – производство» [24, с. 32]. Таким образом, что также отмечается в литературе, «политико-экономическое содержание собственности составляет исторически определенная система общественных отношений, производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» [25, с. 75], и «собственность представляет собой внутреннюю форму совокупности экономических отношений» [25, с. 75].

В качестве объектов отношений собственности выступает вся совокупность хозяйственных благ: материальные средства производства; природная среда; потребительные стоимости (результаты производства); информационные и социальные условия производства; производственные и социальные способности индивидов и сами производственные и социально-экономические функции; информация и знания. Часть из этих объектов могут присваиваться без юридической фиксации, но в XXI веке постоянно возрастает

значение объектов собственности, которые могут выступать таковыми только при их юридической фиксации. «В качестве объекта собственности выступают информация и знания, но лишь в том случае, если они в законодательном порядке зафиксированы именно в качестве объекта чьей-либо собственности (патентное право и пр.)» [19, с. 59]. В сетевой экономике возрастает значение собственности на функции и «рассеянных» форм собственности.

Собственность на функции традиционно остается наименее изученной в экономической науке формой собственности. Это проистекает из того, что длительное время присвоение материальных ресурсов как результатов деятельности индивидов скрывало первопричину этого присвоения – различные функциональные возможности индивидов. Юридическая фиксация собственности на средства производства, природные ресурсы и предметы потребления, т.е. на то, без чего невозможно физическое существование людей, скрывала истинную природу, механизмы и способы отношений собственности, иначе говоря, создавало гносеологические трудности при исследовании этого объекта. Кроме того, господствующие в XX веке идеологии в западных и коммунистических странах не согласовывались с признанием собственности на функции важнейшим фактором социального расслоения. Остановимся на этом чуть подробнее.

Функционально-трудовая субординация индивидов (то есть отношения взаимоподчинения между индивидами, которые проистекают в зависимости от их функциональных ролей в сложившейся технико-организационной структуре разделения и кооперации труда и, соответственно, наделение их различными функциональными возможностями) означает, что люди занимают различное место в структуре общественного производства и взаимодействуют со средствами производства различными способами, или, иначе говоря, существует дифференцированное отношение к средствам производства. В зависимости от места в общественном разделении труда (иначе говоря, в зависимости от выполняемых социальных функций) индивиды обладают различными функциональными возможностями как во влиянии на общественное производство, так и (как следствие первого) в получении тех или иных благ. Из функционального подчинения индивидов неизбежно рождается социальное подчинение. Первое проистекает из существования разделения и кооперации труда и будет всегда сопутствовать им, то есть такое положение субъектов объективно предопределено самой структурой общественного производства. Второе же, предопределяясь разделением труда, существует на базе специфических функционально-трудовых отношений и отношений собственности, различных управленческих (властных) отношений.

Социальное подчинение всегда сопутствует функциональному подчинению. Так, например, лицам, занимающимся управленческой деятельностью для того, чтобы обеспечить устойчивое функционирование социальной системы, необходимы определенные властные полномочия. То есть, для выполнения определенных системно важных политических и экономических функций необходимо обладать соответствующей политической и экономической властью (т.е. присвоить определенные функции) для того, чтобы иметь возможность принудить прочих субъектов к ведению ими действий в интересах всей системы в том случае, когда их личные социально-групповые или частно-классовые интересы не совпадают с интересами системы в целом. Это объясняется, в частности, невозможностью удовлетворения материальных потребностей всех членов общества в равной мере. Само по себе такое несовпадение (полное или частичное) на современном этапе и в прошлом можно считать наиболее типичным случаем. Генетически (исторически) именно трудовые отношения лежат в основе дифференциации индивидов как носителей определенных трудовых функций, а уже на основе этого возникла их дифференциация как собственников. Тем не менее, не упуская из виду эти важные соображения, не следует забывать, что в социумах с развитой социально-классовой дифференциацией, занятые индивидами теми или иными видами трудовой деятельности можно достаточно про-

сто объяснить через принадлежностей к тем или иным имущественным группам, то есть местом в отношениях собственности. Хотя, при корректном генетическом подходе, проблема остается прежней, так как место субъектов в имущественной структуре само является дериватом трудовых отношений. Исторический опыт показывает, что если класс собственников не может полностью (иногда частично) выполнять какие-то социально-значимые трудовые функции, то он вынужден либо погибнуть (вместе с уничтожением национального государства), либо привлечь к выполнению этих социально-значимых функций представителей иных социально-классовых образований, отдав затем де-факто (а часто и де-юре) частично или полностью им свои прерогативы собственников. История являет огромное количество примеров этому [26].

Выводы. На основании всего вышеизложенного можно определить собственность как экономическую категорию следующим образом. Собственность как экономическая категория представляет собой сложную исторически обусловленную систему социальной межсубъектной персонификации функций и прав (как правило, юридически защищённых), связанных с социальным движением, фиксацией и использованием потребительских стоимостей (материальных и нематериальных) в целом или их отдельных функций. В XXI веке под воздействием цифровой революции, которой сопутствует высокая степень обобщённости сетевой экономики, рост знакового потребления и фиктивной экономики, небывалое переплетение материального и нематериального производства, права собственности находятся в постоянной, нередко революционной трансформации.

Список использованных источников

1. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6 – 56.
2. Лемешенко, П.С. Метаморфозы экономической науки и практики или, вперед к политической экономии / П. С. Лемешенко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – 2017. – № 6. – С. 276 – 292.
3. Гегель, Г.В. Ф. Философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – 630 с.
4. Гобс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 2. – 686 с.
5. Спиноза, Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Б. Этика // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – 686 с.
6. Фейербах, Л. Этика // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3 – 734 с.
7. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики: в 2 т. – М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. – Т. 1. – С. 397–473.
8. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: В 2 т. – М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. – Т. 1. – С. 379–396.
9. Прудон, П. Ж. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти / П. Ж. Прудон. – М.: Республика, 1998. – 367 с.
10. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.– 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46, ч. 1.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг.: в 2 ч. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1980. – Ч. 1.
12. Афанасьев, В. Н. Диалектика собственности: логика экономической формы / В. Н. Афанасьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 244 с.
13. Осипов, Ю. М. Опыт философии хозяйства: Хоз-во как феномен культуры и самоорганизующаяся система/ Ю. М. Осип. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 381 с.
14. Чичинская, Й. Й. Собственность в системе экономических отношений социализма / Й. Й. Чичинская. – М.: Экономика, 1986. – 95 с.
15. Мокичев, С. В. Общественная собственность на средства производства: преимущества и закономерности развития / С. В. Мокичев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 164 с.
16. Колганов, М. В. Собственность. Докапиталистические формации. – М.: Соцэкгиз, 1962.
17. Дубанов А. П. Собственность и экономические цели. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 336 с.

18. Лубнев, Ю. П. Краткий энциклопедический словарь по экономической теории и практике / Ю. П. Лубнев, Н. И. Кравцова, А. М. Лозовой. – Ростов н/Д.: РГЭА, 1997. – 349 с.
19. Бабаев, Б. Д. Собственность как экономическая категория и как институт / Б. Д. Бабаев, Е. А. Андрескус, А. А. Сабурова // Экономика образования. – 2013. – №1. – С. 56–60.
20. Солодовников, С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2006. – 530 с.
21. Якобсон, Л. И. Экономика общественного сектора / Л. И. Якобсон. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
22. Старк, Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма / Д. Старк // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 4–24.
23. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
24. Джавадов, Г. А. Структура социалистических производственных отношений / Г. А. Джавадов. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 130 с.
25. Черняк, В. К. Структура экономического развития / В. К. Черняк. – Киев: Наука, 1981. – 211 с.
26. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2019 года

PROPERTY AS A POLITICAL AND ECONOMIC CATEGORY IN THE 21ST CENTURY

S. Yu. Solodovnikov

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article systematically considers traditional and modern approaches to the definition of property as an economic phenomenon. The general and special in relation to property in the 21st century are shown. In particular, the author notes an increase in the value of ownership of functions and “dispersed” forms of ownership in the network economy, as well as a wide range of objects of property relations, which includes the entire set of economic goods — material means of production, the natural environment, and consumer values, information and social conditions of production, production and social abilities of individuals and the production and socio-economic functions themselves, information and knowledge. The definition of property as a political and economic category is given.

Key words. *Property, informatization, economics, political economy, division of labor, forms of ownership.*

References

1. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya social'nogo kapitala kak politiko-jekonomicheskogo fenomena / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
2. Lemeshhenko, P. S. Metamorfozy jekonomicheskoy nauki i praktiki ili, vpered k politicheskoy jekonomii / P. S. Lemeshhenko // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sb. nauch. st. / BNTU. – 2017. – № 6. – С. 276 – 292.
3. Gegel', G. V. F. Filosofskaja prope-devtika / G. V. F. Gegel' // Raboty raznyh let: v 2 t. – М.: Mysl', 1971. – Т. 2. – 630 s.
4. Gobs, T. Leviafan, ili materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo ili grazhdanskogo // Antologija mirovoj filosofii: v 4 t. – М.: Mysl', 1969. – Т. 2. – 686 s.

5. Spinoza, B. Jetika, dokazannaja v geometricheskom porjadke / B. Jetika // Antologija mirovoj filosofii: v 4 t. – M.: Mysl', 1970. – T. 2. – 686 s.
6. Fejrbah, L. Jetika // Antologija mi-rovoj filosofii: v 4 t. – M.: Mysl', 1971. – T. 3. – 734 s.
7. Rikardo, D. Nachala politicheskoj jekonomii i nalogovogo oblozhenija // Antologija jekonomicheskoy klassiki: v 2 t. – M.: MP «JeKONOV», 1993. – T. 1. – S. 397–473.
8. Smit, A. Issledovanie o prirode i pricinah bogatstva narodov // Antologija jekonomicheskoy klassiki: V 2 t. – M.: MP «JeKONOV», 1993. – T. 1. – S. 379–396.
9. Prudon, P. Zh. Chto takoe sobstven-nost'? Ili issledovanie o principe prava i vlasti / P. Zh. Prudon. – M.: Respublika, 1998. – 367 s.
10. Marks, K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov // K. Marks, F. Jengel's. Soch. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1968. – T. 46, ch. 1.
11. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1861 gg.: v 2 ch. // K. Marks, F. Jen-gel's. – M.: Politizdat, 1980. – Ch. 1.
12. Afanas'ev, V. N. Dialektika sob-stvennosti: logika jekonomicheskoy formy / V. N. Afanas'-ev. – L. : Izd-vo LGU, 1991. – 244 s.
13. Osipov, Ju. M. Opyt filosofii hozjajstva: Hoz-vo kak fenomen kul'tury i samoorganizu-jushhajasja sistema/ Ju. M. Osip. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 381 s.
14. Chichinskas, J. J. Sobstvennost' v sisteme jekonomicheskikh otnoshenij socializma / J. J. Chichinskas. – M. : Jekonomika, 1986. – 95 s.
15. Mokichev, S. V. Obshhenarodnaja sobstvennost' na sredstva proizvodstva: preimushhestva i zakonomernosti razvitija / S. V. Mokichev. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. – 164 s.
16. Kolganov, M. V. Sobstvennost'. Dokapitalisticheskie formacii. – M.: Socjkgiz, 1962.
17. Dubanov A. P. Sobstvennost' i jekonomicheskie celi. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 336 s.
18. Lubnev, Ju. P. Kratkij jenciklopedicheskij slovar' po jekonomicheskoy teorii i praktike / Ju. P. Lubnev, N. I. Krav-cova, A. M. Lozovoj. – Rostov n/D.: RGJeA, 1997. – 349 s.
19. Babaev, B. D. Sobstvennost' kak jekonomicheskaja kategorija i kak institut / B. D. Babaev, E. A. Andrekus, A. A. Saburo-va // Jekonomika obrazovanija. – 2013. – №1. – S. 56–60.
20. Solodovnikov, S. Ju. Institucional'nye matricy: sushhnost', personifikacija i ee genesis (politiko-jekonomicheskie ocherki) / S. Ju. Solodovnikov; In-t jekono-miki NAN Belarusi. – Minsk : Pravo i jekonomika, 2006. – 530 s.
21. Jakobson, L. I. Jekonomika obshhestvennogo sektora / L. I. Jakobson. – M.: Aspekt Press, 1996. – 318 s.
22. Stark, D. Rekombinirovannaja sob-stvennost' i rozhdenie vostochnoevropskogo kapitalizma / D. Stark // Voprosy jekonomiki. – 1996. – № 6. – S.4–24.
23. Gerasimov, N. V. Jekonomicheskaja sistema: genesis, struktura, razvitie / N. V. Gerasimov. – Minsk : Navuka i tjehnika, 1991. – 349 s.
24. Dzhavadov, G. A. Struktura socialisticheskikh proizvodstvennyh otnoshenij G.A. Dzhavadov. – M.: Izd-vo MGU, 1969. – 130 s.
25. Chernjak, V. K. Struktura jekonomicheskogo razvitija / V. K. Chernjak. – Kiev: Nauka, 1981. – 211 s.
26. Solodovnikov, S. Ju. Klassy i klassovaja bor'ba v postindustrial'nom obshhestve: metodologicheskie osnovy politiko-jekonomicheskogo issledovanija / S. Ju Solodovnikov. – Minsk : BNTU, 2014. – 378 s.